

и задержание в работе по призыву, до полной остановки работы... Как я лично убедился и доложили мне с достоверностью подведомственные мне чины полиции, многие жители г. Бийска стали закупать в большом количестве водку в ближайших к городу винных лавках, именно в селах Шубенском, Ново-Чемрской, Енисейском, Красном Яру, Верх-Катунском, отстоящих ближе 30 верст от города, а засим производятся угощения и даже продажа водки по возвышенной цене прямо на улицах с возов и на задворках, и прекратить это мерами полиции нет никакой возможности... Пьянство усиливается ежедневно... и угрожает серьезным нарушением порядка, а главное, остановкой призыва²⁴.

Таким образом, доставка новобранцев в воинские части Сибири и Дальнего Востока являлась довольно сложной задачей, от решения которой зависела успешная защита восточных окраин Российского государства в условиях растущих политических амбиций как азиатских, так и европейских стран.

УДК 94(47)''1918/1919''

В.И. ШИШКИН

«ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ» ЮРИСТА В.П. ЛАМАНСКОГО В 1918–1919 гг.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru

В статье освещаются перипетии жизненного пути юриста В.П. Ламанского, который в начале 1918 г. по заданию антибольшевистского подполья принял участие в работе советских судебных органов в контрреволюционных целях. После свержения Советской власти в Сибири Ламанский добросовестно служил в антибольшевистской администрации Канского уезда. Но отношение к нему колчаковских властей, прежде всего военно-административных и судебно-следственных органов, поставило Ламанского в положение «чужого среди своих».

Ключевые слова: подпольная организация, офицеры, власть, комиссар, управляющий.

Революции 1917 г. и Гражданская война привели к радикальной трансформации Российского государства и общества: их общественно-политического строя, экономики, социальной структуры, культуры и других сфер. Одновременно они изменили положение миллионов граждан России. Одни из них лишились занятий, состояния, Родины и даже жизни, тогда как другие, бывшие ранее, по словам международного пролетарского гимна, ничем, стали всем.

Наиболее глубокие изменения произошли в положении тех россиян, которые являлись руководителями и активными участниками политической и вооруженной борьбы. Причем эти изменения, как правило, стали результатом их собственных целенаправленных, осознанных, а зачастую самоотверженных и даже крайне опасных действий. Взлетами и падениями, удачами и трагедиями, немислимими драмами и коллизиями от-

ЛИТЕРАТУРА

1. Баяндин В.И. Начало рекрутского пути: от места жительства до места службы (XIX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1.
2. Всеподданнейший отчет Военного Министерства за 1891 год. СПб., 1893.
3. Всеподданнейший отчет о мероприятиях Военного Министерства, выполненных за пятилетие 1898–1902 гг. СПб., 1903.
4. Столетие Военного Министерства 1802–1902. Главный Штаб. Исторический очерк. Комплектование войск с 1855 по 1902 гг. СПб., 1914. Ч. 3, кн. 1. Отд. 2.
5. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973;
6. Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX в.: очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
7. Альбедил А. Прием, распределение и отправка в войска новобранцев // Военный сборник. 1897. № 2. С. 282–306.

Статья поступила
в редакцию 03.12.2012

мечен жизненный путь многих таких участников великой российской смуты 1917–1920 гг.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать поведение одного из таких людей – Владимира Павловича Ламанского. Фигура Ламанского привлекательна для исследователей тем, что он сознательно взял на себя исключительно рискованную роль. Впрочем, обо всем по порядку.

В 1917 г. 24-летний уроженец Липецка В.П. Ламанский, в ноябре 1916 г. окончивший юридический факультет Московского университета, служил в Канске помощником присяжного поверенного. Как и многие молодые интеллигенты, он приветствовал Февральскую революцию и вступил в партию эсеров, но Октябрьский переворот не принял. Канск, в котором имелся большой гарнизон, осенью 1917 г. превратился в один из опорных пунктов сибирских большевиков и левых эсеров. Вполне закономерно, что наряду с Красноярском и Ачинском он оказался в числе трех первых

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 5772. Л. 3–3 об.

городов Сибири, в которых уже в конце октября 1917 г. установилась власть Советов.

Однако и противники Советов не бездействовали. В середине декабря 1917 г. проживавшие в Канске офицеры приступили к формированию антибольшевистской подпольной военной организации. К 18 декабря они создали ядро организации, состоявшее примерно из полутора десятков младших офицеров по главе с поручиком Федоровым. Затем в организацию стали вливаться гражданские лица. В числе первых трех горожан к подпольщикам примкнул Ламанский, ставший ее членом 1 января 1918 г.¹

В конце января или в начале февраля 1918 г. Ламанский был вынужден переехать из Канска в Ишим. Позднее он утверждал, что в Ишим «был послан начальником организации поручиком Федоровым»². Едва ли это только так. Судя по всему, главной причиной переезда были все же семейные обстоятельства: в Ишиме жили родители с семьей, нуждавшиеся в его помощи. Но совершенно очевидно, что у Ламанского имелась и договоренность с Федоровым о необходимости искать связи в Ишиме с местными офицерами для борьбы против большевиков.

Ламанский успешно справился с этой задачей. В феврале 1918 г. он установил контакт с ишимским офицерским подпольем, вошел в его состав и с согласия руководства организации поступил на службу в юридический (судебный) отдел местного уездного исполкома Советов. Напомним, что в то время большинство юристов Сибири отказывалось сотрудничать с большевиками. Ламанский же быстро продвинулся по служебной лестнице, заняв вскоре пост комиссара юстиции, о чем население Ишимского уезда могло узнать из публикуемых местной газетой документов³.

Совершенно естественно, что, занимая должность комиссара юстиции, Ламанский был вынужден проводить в жизнь советские законы и разного рода указания. В результате большинством граждан уезда, следивших за политическими событиями, он вполне резонно воспринимался как советский руководитель, а некоторыми – даже как большевик. В действительности же Ламанский старался действовать отнюдь не в интересах Советской власти. По утверждению руководства ишимского подполья, «Ламанский связи с нами не прерывал, а, наоборот, давал нам всегда чрезвычайно ценные сведения»⁴.

В частности, Ламанский сыграл решающую роль в судьбе подпольщиков в начале июня 1918 г. В это время вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали шли бои между Чехословацким корпусом и поддерживавшими его вооруженными формированиями Временного Сибирского правительства (ВСП), с одной стороны, и отрядами Красной армии и Красной гвардии – с другой. Незадолго до того Ишим посетил

прибывший из Омска заместитель уполномоченного ВСП Ю.А. Кудрявцев (Алексеев). Он проинформировал руководство ишимского подполья о ходе борьбы против большевиков, а также передал приказ Омского штаба ВСП о необходимости антибольшевистского вооруженного выступления и взрыве железнодорожного пути в направлении на Тюмень⁵.

Созданному большевиками в Ишиме революционному штабу, однако, удалось напасть на след подпольщиков и 5 июня арестовать 10 из них: восемь офицеров и двоих служащих правительственного телеграфа. В ходе допросов арестованных, в которых принимал участие и Ламанский, большевики получили сведения о том, что в Ишим приезжал кто-то из агентов ВСП с директивами, во исполнение которых подпольщики готовили взрыв железнодорожного моста. Издававшаяся большевиками омская газета сообщила также, что в ишимском деле «замешано много лиц, дознание которых кончится не ранее, как завтра. В заговоре участие принимала партия правых эсеров; члены комитета этой партии посажены в тюрьму. Председатель бежал»⁶.

Ламанский, узнав о первых арестах, своевременно проинформировал об этом оставшихся на свободе руководителей ишимского подполья, благодаря чему они смогли скрыться. Более того, когда в ночь на 9 июня революционный штаб отдал приказ о доставке арестованных подпольщиков под конвоем на ст. Ишим, где их ждал неминуемый расстрел, Ламанский смог освободить их. «Во всех описанных случаях, – сообщали об этом несколько дней спустя девять бывших подпольщиков-офицеров, – Владимир Павлович Ламанский действовал, не задумываясь, с большим риском для себя, памятуя принятое на себя [e]ред организацией обязательство»⁷.

Девятого июня красные войска оставили Ишим. Находившиеся в городе противники большевиков срочно создали военно-оперативный штаб, который взялся за формирование офицерского вооруженного отряда, за организацию охраны и порядка, произвел аресты не успевших уйти советских работников. В числе последних оказался и Ламанский. Для решения вопроса о судьбе арестованных военно-оперативный штаб учредил временную следственную комиссию.

Перед следственной комиссией стояла очень сложная задача. Ей надлежало в кратчайшие сроки освободить граждан, арестованных случайно, по подозрению, в силу сведения личных счетов, а также советских работников, не имевших за собой уголовных преступлений. Ламанский оказался в очень непростой ситуации. Поскольку Ишим еще находился в прифронтовой полосе, Ламанский не мог раскрыть

⁵ Там же. Д. 101. Л. 2.

⁶ Известия Западно-Сибирского и Омского областного исполнительного комитетов советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Омского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 6 июня. Несколько иначе эти события освещены в тобольской газете «Сибирский листок» (1918. 8 июня).

⁷ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 123.

¹ Сводка материалов из белогвардейских архивов по Сибири (1918–1920 гг.). [Новониколаевск, 1922] С.104–105.

² ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 133 об.

³ См., например: Ишимская жизнь. 1918. 10 мая.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 123.

перед следственной комиссией существование антибольшевистской подпольной организации, свое в ней участие и назвать ее членов. Поэтому в свое оправдание он ссылался только на тех граждан Ишима, которые знали его лично. Но и этих свидетельств оказалось достаточно для того, чтобы комиссия признала Ламанского лицом, отрицательно относящимся к Советской власти, к большевизму и подлежащим немедленному освобождению.

Несколько иную позицию по этому вопросу занял военно-оперативный штаб. Не возражая против заключения следственной комиссии о том, что «Ламанский не является сторонником Советской власти и для власти Временного [Сибирского] правительства не опасен», штаб, тем не менее, посчитал нужным оставить Ламанского в тюрьме до окончания месячного срока со дня ареста⁸. Свою позицию штаб мотивировал не очень внятно, назвав главной причиной пролонгации его содержания под стражей враждебное отношение населения к некоторым арестованным, являвшимся бывшими советскими работниками. Не исключено, что штаб имел в виду бессудную расправу над семью освобожденными временной следственной комиссией ишимцами, которые после выхода из тюрьмы были зверски убиты какой-то вооруженной группой во главе с казаком Шеркуновым⁹.

Однако следственная комиссия проявила принципиальность и настойчивость. Основываясь на дополнительно собранных свидетельских показаниях, в том числе участника ишимского подполья штабс-капитана Б.В. Тупицына, 19 июня 1918 г. она заключила, что Ламанский «не является сторонником Советской власти, не является опасным и для новой власти, а потому подлежит немедленному освобождению, ибо в правовом государстве не должно быть тюремного заключения без предъявления обвинения, и власть, имеющая в своих руках силу, не должна и не может считаться с кровавыми требованиями кучки обывателей и держать в заключении неопасного и невиновного»¹⁰.

Поскольку к тому времени угроза Ишиму со стороны красных миновала, Ламанский обратился к находившимся в городе членам подпольной офицерской организации с просьбой выдать ему документ, удостоверяющий его участие в местном антибольшевистском подполье. Такое удостоверение за подписью девяти офицеров, включая коменданта Ишима – поручика Андреева, ему было выдано¹¹.

Вскоре Ламанский покинул Ишим и вернулся в Канск, где еще в конце мая 1918 г. Советская власть была свергнута. Понять его отъезд из Ишима нетрудно. Здесь он только что пережил острейший шок, вызванный арестом и содержанием в тюрьме. Оставить Ишим было целесообразно и для того, чтобы обезопасить себя от дальнейших преследований со стороны неосведомленных обывателей и новых властей за рабо-

ту в ишимском Совете. К тому же в Канске Ламанский рассчитывал получить еще один документ, удостоверявший его участие в антибольшевистском подполье, что послужило бы дополнительной гарантией от подозрений и укрепило его уверенность в прочности своего положения.

В конце июля или в начале августа 1918 г. Ламанский прибыл в Канск. К тому времени поручика Федорова здесь уже не было. Он находился в Екатеринбурге, где служил в информационном отделе штаба Сибирской армии. Но в Канске оставалось несколько членов бывшей подпольной организации, составлявших ее руководящее ядро: штабс-капитан Збероевский, прапорщики Д.И. Марценко, Г.В. Тишаков, С.К. Чухломин, популярный общественный деятель О.И. Филоненко. Ламанский доложил им о проделанной в Ишиме работе. По просьбе Ламанского 20 августа они выдали ему удостоверение, подтверждавшее его участие в антибольшевистском подполье. «Измученный пережитым, – писал около года спустя Ламанский, – я нашел среди своих соучастников успокоение, и все набольшее за кошмарное время совдепщины стало заживать»¹².

К тому же приехавший немного позднее в Канск поручик Федоров сообщил Ламанскому, что он представил на имя управляющего Военным министерством ВСП генерал-майора А.Н. Гришина-Алмазова рапорт, где проинформировал главу военного ведомства об особом задании, которое Ламанский выполнял по поручению подполья. По словам Федорова, дошедшим до нас в передаче Ламанского, «Гришиным-Алмазовым была сделана на этом представлении надпись в благожелательном для меня смысле и отдано приказание о моей реабилитации»¹³.

Для того чтобы жить, необходимо было трудоустроиться. По некоторому размышлению, Ламанский решил предложить свои услуги Канскому уездному комиссариату, в котором имелась вакансия помощника уездного комиссара. Следует отметить, что формирование комиссарского корпуса губернского и особенно уездного уровня оказалось для ВСП трудноразрешимой задачей. Местные общественные деятели, выдвинувшиеся за время Мировой войны и революции, отказывались занимать государственные должности, предпочитая им менее беспокойную и ответственную, но зато более «хлебную» службу в органах самоуправления и кооперации.

В этом отношении ни Енисейская губерния, ни ее Канский уезд не составляли исключения. Скорее наоборот. По характеристике правого эсера П.З. Озерных, являвшегося тогда енисейским губернским комиссаром, Канский уезд числился «трудным по управлению». Только 9 августа 1918 г. вместо существовавшего здесь до этого временного коллегиального комиссариата, ликвидированного приказом Озерных, к исполнению должности комиссара Канского уезда был допущен С.И. Буркин.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 140.

⁹ Там же. Ф. Р-151. Оп. 1. Д. 6. Л. 260.

¹⁰ Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 141.

¹¹ Там же. Л. 123.

¹² Там же. Л. 134.

¹³ Там же. Л. 133 об.

Буркину в то время исполнилось 47 лет. Он имел среднее образование (окончил Красноярскую учительскую семинарию) и почти четвертьвековой стаж государственной службы на разных административных должностях, в том числе делопроизводителем управления губернского комиссариата. В своем представлении министру внутренних дел ВСП Озерных высоко оценивал Буркина: «<...> Обладает солидным административным опытом, что в связи с его политическими воззрениями дает ему возможность легко и с пользой для дела справиться с многосложными обязанностями уездного комиссара». Министр признал аргументацию достаточной, а кандидатуру Буркина достойной. Приказом по МВД от 27 августа 1918 г. Буркин был назначен канским уездным комиссаром¹⁴.

Своим помощником Буркин намеревался сделать служившего вместе с ним в губернском комиссариате Н.А. Волкова. Но категорически против этой кандидатуры выступил Озерных, отводя ее по причине судимости Волкова за растрату денег. Это, считал Озерных, «делает его кандидатуру <...> неприемлемой без ущерба авторитету новой должности помощника уездного комиссара»¹⁵.

Ламанский обратился к Буркину с заявлением о принятии на службу в качестве его помощника. Он проинформировал уездного комиссара о своей работе в Ишимском совете, представил удостоверения ишимской и канской подпольных военных организаций. Об этом же был поставлен в известность Озерных, который и сам при советской власти являлся членом действовавшего в подполье енисейского губернского комиссариата ВСП. Приказом енисейского губернского комиссара от 16 сентября 1918 г. Ламанский сначала был допущен к временному исполнению обязанностей помощника Канского уездного комиссара, а затем по представлению губернского комиссара приказом по МВД от 15 октября назначен на эту должность с 20 сентября 1918 г.¹⁶

Политическая обстановка в Канске и уезде оставалась крайне неспокойной. На севере уезда скрывались десятки бывших советских работников, красноармейцев и красногвардейцев. На руках у населения имелось много оружия. Гарнизон Канска был малочисленный и состоял в своей значительной части из новобранцев, уклонившихся от добровольной явки на призывные пункты, а его начальник – полковник Винтер – отличался нерешительностью и бездействием. «Всякие наши заявления, – вспоминал Ламанский, – о необходимости арестования того или лица, отобрании в уезде оружия оставались втуне <...>».

Чтобы внести успокоение в ряды обывателей, по инициативе Ламанского бывшие члены антибольшевистской подпольной организации создали группу

поддержки существующего порядка, руководителем которой избрали самого Ламанского. Вокруг нее стали объединяться благонадежные горожане, прежде всего домовладельцы, лидерами которых являлись бывший подпольщик Филоненко и известный предприниматель и общественный деятель А.А. Филимонов¹⁷. Осенью 1918 г. участники этой самодельной полулегальной организации разработали сигналы оповещения, открыто и тайно несли караульную службу. «Я позволю себе утверждать, – докладывал Ламанский начальству, – что только благодаря этой спайке удавалось предотвратить возможность [антиправительственного] выступления»¹⁸.

В конце октября – ноябре 1918 г. в политической жизни Сибири и Енисейской губернии произошли важные изменения. С 18 ноября в результате государственного переворота верховная власть перешла к адмиралу А.В. Колчаку. Но еще раньше, 28 октября, указом ВСП с должности губернского комиссара за допущение «в деле управления губернией неправильностей» был уволен Озерных [1, с. 739–740].

Почти три недели спустя, 20 ноября 1918 г., указом Верховного правителя новым енисейским губернским комиссаром был назначен П.С. Троицкий. Этот человек хорошо знал губернию, и его тоже хорошо знали в губернии. Местный уроженец, после окончания Московского университета Троицкий вернулся в Красноярск. Здесь он все время служил в органах судебного ведомства, достигнув в 1917 г. к 48 годам должности товарища председателя Красноярского окружного суда. Троицкий зарекомендовал себя как активный общественник, член партии конституционных демократов, очень работоспособный, энергичный и даже жесткий администратор¹⁹.

Происшедшие события никак не сказались на положении Ламанского и на его отношении к своим служебным обязанностям, которые он по-прежнему нес с должной ответственностью, добровольно принимая на себя опасные задания. Так, в середине декабря 1918 г. в составе милицейского отряда всего из 9 чел., в который входили также помощник начальника уездной милиции Булдаков и податной инспектор А.И. Серебряков, Ламанский отправился в служебную командировку в таежные Шеломовскую и Тасеевскую волости, находившиеся соответственно в 100 и 170 верстах к северу от Канска, для изъятия в них оружия и сбора налогов. Эта экспедиция едва не закончилась для ее участников трагически. Население Шеломовской волости не только категорически отказалось сдать оружие, но и вынесло постановление о расправе с правительственным отрядом. По инициативе шеломовских большевиков за спешно покинувшими вечером 29 декабря Тасеево Ламанским и его товарищами была устроена конная по-

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 134. Л. 181; Д. 167. Л. 211; Воля Сибири (Красноярск). 1918. 17 сент.; Сиб. вестник (Омск). 1918. 7 сент.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 200. Л. 220, 204–205.

¹⁶ Там же. Д. 134. Л. 109; Воля Сибири. 1918. 20 сент.; Сибирский вестник. 1918. 6 нояб.

¹⁷ В июне 1919 г. А.А. Филимонов будет избран председателем Канской городской думы.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 134.

¹⁹ Там же. Д. 209. Л. 80–86; Правительственный вестник (Омск). 1918. 21 дек.; Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 17 дек.

гоня. Только добравшись до волостного села Христо-Рождественское и вооружив в нем 11 благонадежных крестьян, беглецы почувствовали себя в безопасности [2, с. 103; 3, с. 258]²⁰.

Возвратившись в Канск, Ламанский 1 января 1919 г. доложил о тревожном положении в Шеломовской и Тасеевской волостях Буркину, а затем вместе с ним проинформировал об этом нового начальника гарнизона командира 32-го Сибирского стрелкового полка полковника Мартынова. Ламанский предложил им немедленно направить на север уезда для наведения порядка вооруженный отряд численностью не менее 200 чел. Но Мартынов медлил, ссылаясь на отсутствие у него необходимых сил. Такая реакция начальника гарнизона во многом вытекала из анализа реальной ситуации. Дело в том, что 27 декабря в Канске и на ст. Иланская произошли антиколчаковские восстания, причем в канском восстании приняли участие несколько солдат 32-го полка. Оба восстания были быстро подавлены правительственными войсками. Но положение осложнялось волнениями в Вершино-Рыбинской, Перовской, Толстининской и Уярской волостях, находившимися на юге Канского уезда²¹.

В такой обстановке Ламанский пошел на нестандартный шаг. 2 января 1919 г. он собрал оставшихся в Канске бывших членов подпольной организации и сформировал из них добровольческий отряд в четыре десятка человек, который предложил полковнику Мартынову в помощь воинской части. Но Мартынов под разными предлогами посылку воинской части на север уезда откладывал.

На следующий день на основании вновь полученных данных Ламанский подал официальный рапорт Мартынову и управляющему уездом о том, что 30 декабря 1918 г. в Тасеевской и Шеломовской волостях началось открытое вооруженное выступление: милиция арестована, ее оружие захвачено, объявлена мобилизация мужского населения, сформированы четыре стрелковые роты, посланы агитаторы в соседние села. Ламанский правильно пофамильно назвал около двух десятков руководителей и активистов мятежа, в том числе В.Г. Яковенко, П.А. Астафьева, И.А. Вашкорина. «Восстание, – писал Ламанский, – принимает большие размеры. Безнаказанность дает почву для привлечения на свою сторону темных масс, для поселения в умах крестьян уверенности в восстановлении Советской власти» [3, с. 125–126]²².

Реагируя на этот рапорт, Мартынов четырежды назначал, а затем откладывал свое решение о посылке воинской части на север уезда. Чтобы сдвинуть дело с «мертвой точки», Ламанский вместе с Марценко обратился за содействием к уполномоченному по охране государственного спокойствия и порядка полковнику Петухову, убеждая последнего в том, что «пожар разгорается, и тушить его надо вначале»²³.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 134 об., 136.

²¹ Там же. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 41–42, 88–91.

²² Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 136

²³ Там же. Л. 134 об.

Наконец, 9 января 1919 г. отряд под командованием штабе-капитана Збероевского выступил на Шеломки и Тасеево. Он насчитывал всего 74 чел., включая Ламанского, и был весьма разношерстным по составу: несколько офицеров, по два десятка солдат и милиционеров, а также добровольцы, количество которых по сравнению с первоначальным числом сократилось из-за неоднократного переноса срока выступления. Отряд имел на вооружении винтовки, берданки, два пулемета и примерно по 40 патронов на каждого бойца.

В ночь на 10 января отряд Збероевского без боя последовательно занял деревни Денисова и Кондратьева Рождественской волости, Степанова Шеломовской волости. Но в окрестностях д. Макарова, которая находилась в трех верстах от волостного села Шеломки, он был встречен огнем партизан. После трехчасовой перестрелки при сорокаградусном морозе отряд Збероевского был вынужден отступить в Христо-Рождественское. Здесь офицеры отряда, устроив совещание и принимая во внимание, что противник имел численное превосходство, половина бойцов обморозилась, а патроны заканчивались, приняли решение возвратиться в Канск [3, с. 128–130].

В январе–мае 1919 г. колчаковские власти несколько раз направляли против североканских партизан отряды под командованием капитанов А.В. Мартына и Салаяева, полковников В.Е. Жилинского, И.Н. Красильникова и Ромерова. Ламанский участвовал во всех этих карательных экспедициях как представитель администрации уезда, хотя еще в конце января по инициативе управляющего губернией для заведывания Тасеевским районом была введена должность второго помощника управляющего Канским уездом, на которую он назначил А.В. Барышникова. В конце мая – первой половине июня правительственные войска при содействии итальянских и чехословацких частей нанесли партизанам ряд поражений, вынудили их оставить район первоначального формирования и укрыться в глухой тайге.

Вечером 14 июня для того, чтобы оценить положение уезда не только по донесениям подчиненных, в Канск прибыл управляющий губернией Троицкий. Он ознакомился с работой уездных властей, выступил на заседании городской думы нового состава. Судя по всему, управляющий губернией остался недоволен деятельностью своего уездного коллеги. 19 июня он издал приказ об откомандировании Буркина для службы в губернском управлении, а временно исполняющим обязанности управляющего Канским уездом назначил заведующего земско-городским отделом управления губернии П.А. Игошина. Через день Троицкий обратился в МВД с представлением об освобождении Буркина от управления уездом по причине его несоответствия занимаемой должности²⁴.

Что касается Ламанского, то к нему со стороны управляющего губернией претензий не было. Более того, когда МВД запросило Троицкого о службе Ла-

²⁴ Там же. Д. 134. Л. 121; Д. 167. Л. 211; Канский вестник. 1919. 17 и 28 июня.

манского в Ишимском совете, то управляющий губернией, основываясь на имевшихся у него документах и свидетельских показаниях, ответил МВД однозначно и ясно: «он служил в советской организации как член тайной офицерской организации».

Когда во время пребывания Троицкого в Канске Ламанский обратился к нему с просьбой о предоставлении отпуска, мотивированного ухудшением состояния здоровья из-за участия в боевых операциях, Троицкий предложил ему продолжить службу. Ламанский, учитывая реальное положение уезда, на отпуске настаивать не стал. В дальнейшем он руководил восстановлением органов земского самоуправления в освобожденных от партизан населенных пунктах, затем возглавлял комиссию по уборке урожая в Тасеевской волости [3, с. 259–260]²⁵.

Однако, как ни странно, именно в это время тучи над Ламанским начали сгущаться. Источником угрозы стала учрежденная в Ишиме военно-следственная комиссия. Располагая только сведениями о службе Ламанского в Ишимском совете, она по телеграфу потребовала от начальника Канского военного района арестовать Ламанского. Последний, лично знавший Ламанского по его участию в боевых операциях против партизан, отказался это сделать. В свою очередь 11 августа управляющий Енисейской губернией направил директору департамента общих дел МВД сообщение, в котором категорически заявил, что «служба Ламанского в Канском уезде показала в нем человека вполне государственного и деятельного работника». Троицкий обратился к директору департамента общих дел с просьбой «не отказывать необходимые меры к ограждению личности Ламанского от дальнейших посягательств и дело изъять из Ишимской военно-следственной комиссии»²⁶.

Судя по всему, МВД транслировало просьбу Троицкого в военно-административное управление Восточного фронта, в ведении которого находились военно-следственные комиссии, а оно в свою очередь приказало разобраться в этом вопросе управлению района 1-й Сибирской армии, которое в то время дислоцировалось в Ишиме. Армейское военно-административное управление затребовало у Ишимской военно-следственной комиссии дело Ламанского. Юриконсульт этого управления проанализировал имевшиеся в деле показания свидетелей и самого Ламанского и пришел к следующим выводам.

С одной стороны, юриконсульт признал, что Ламанский состоял членом тайной офицерской организации, которой он оказал ценные услуги вплоть до спасения жизни ее членов; что он «отличался не только корректным поведением по отношению к ишимской интеллигенции, но и способствовал смягчению участи многих арестованных большевиками офицеров и др. лиц»; «в общем относился отрицательно к Советской власти».

С другой стороны, службу Ламанского в Ишимском совете юриконсульт объяснял главным образом

соображениями материального характера, а также желанием «смягчения деятельности последнего», стремлением «поддержать законность в стране». Одновременно он вменял Ламанскому в вину проведение в жизнь некоторых советских декретов, привлечение нескольких юристов к работе «народного суда», боязнь освободить арестованных большевиками офицеров. Отсюда юриконсульт делал совершенно надуманное заключение, противоречившее мнению членов двух офицерских подпольных организаций, оценкам управляющего Канского уезда и управляющего Енисейской губернии, о «двойственности» поведения Ламанского, которое он объяснял «исключительным его слабованием, осторожностью и желанием идти с тем, у кого сила».

Основываясь на суждениях юриконсульта, начальник военно-административного управления района 1-й Сибирской армии полковник Никифоров нашел возможным дело о Ламанском дальнейшим производством прекратить. В то же время он пришел к выводу, что Ламанский является человеком, скомпрометировавшим себя службой у большевиков и «с ярко выраженным двойственно-нравственным обликом, недопустимым и несовместимым со служебной этикой». 31 августа 1919 г. Никифоров обратился к главному начальнику военно-административного управления Восточного фронта генерал-майору С.А. Домонтовичу с просьбой войти в МВД с требованием о немедленном увольнении Ламанского с должности помощника управляющего уездом. 9 сентября на этом документе Домонтович наложил резолюцию, адресованную управляющему МВД: «На распоряжение»²⁷.

По непонятной причине почти два месяца на требование военных властей МВД никак не реагировало. Возможно, его руководство сочло аргументы ведомства Домонтовича недостаточными.

Тогда 3 ноября за подписью самого Домонтовича на имя министра внутренних дел было подготовлено новое отношение. В нем содержалась противоречившая предыдущему документу и абсолютно односторонняя характеристика деятельности и личности Ламанского. В частности, со ссылками на уже известные – тенденциозные и даже откровенно ложные – показания нескольких ишимских обывателей утверждалось, что Ламанский «в некоторых отношениях разделял точку зрения “идейного” большевизма», был «вдохновителем всех большевистских мероприятий», доволно скоро вышел из офицерской подпольной организации, во время падения Советской власти в Ишиме «хотел бежать, но был арестован», летом 1918 г. был освобожден из-под ареста через два с половиной – три месяца председателем следственной комиссии идейным большевиком Степаненко и т.п.

Участие Ламанского в первой антибольшевистской организации и его корректное отношение к ишимской интеллигенции, как говорилось в этом документе, «едва ли могут реабилитировать Ламанского». Поэтому Домонтович просил министра внутренних дел

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 16. Л. 581.

²⁶ Там же. Ф. Р-148. Оп. 1. Д. 192. Л. 142.

²⁷ Там же. Л. 144.

отдать распоряжение об отстранении Ламанского от занимаемой им должности и передать его в распоряжение Ишимской военно-следственной комиссии. Причем об отданном распоряжении Домонтович просил министра его уведомить²⁸.

На этот раз реакция МВД не заставила себя ждать. Через четыре дня исполнявший обязанности министра М.Э. Ячевский уведомил Домонтовича о том, что приказом № 1212 по МВД от 8 ноября 1919 г. Ламанский уволен от службы с передачей его в распоряжение Ишимской военно-следственной комиссии. Ячевский проинформировал Домонтовича, что сообщение об этом одновременно будет направлено управляющему Енисейской губернией и Ишимской военно-следственной комиссии²⁹. Последнее обещание, однако, если МВД и намеревалось его выполнить, потеряло всякий смысл, поскольку за день до этого колчаковцы оставили Ишим.

Весьма похоже, что управляющий Енисейской губернией тоже не был осведомлен об увольнении Ламанского. Во всяком случае 9 ноября он издал приказ, в соответствии с которым на Ламанского возлагалось заведование двумя из шести участков Канского уезда³⁰. Никаких других документов, которые позволяли бы проследить жизненный путь Ламанского в условиях крушения колчаковского режима, пока не обнаружить не удалось.

Но даже без этой финальной стадии казус Ламанского весьма поучителен. Он свидетельствует о том, что роль советского комиссара юстиции, которую Ламанский успешно сыграл с согласия антибольшевистского офицерского подполья, являлась в своем роде уникальной, сложной и небезопасной не только в физическом, но и в нравственно-этическом отношении. В обстанов-

ке принявшей широкомасштабный и затяжной характер Гражданской войны служба в советской юстиции наложила серьезный отпечаток на дальнейшую судьбу Ламанского. Сотрудничество Ламанского с большевиками в последующем осложнило его идентификацию как контрреволюционно настроенным населением Ишима, так и разного рода властями, которые не были посвящены в замысел подпольщиков. В результате Ламанский оказался в трагическом положении «чужого среди своих».

Казус Ламанского свидетельствует также о том, что в среде кадровых офицеров, выдвинувшихся в период правления А.В. Колчака на передний план и занявших многие ключевые позиции в военно-административном и судебно-следственном аппарате, имелись люди, оказавшиеся не способными извлечь политические уроки из новейшей истории России, за время революции и Гражданской войны ничему не научившиеся. Объективно их консервативная позиция не только не способствовала укреплению лагеря контрреволюции, а, напротив, вела к его дальнейшей фрагментации и ослаблению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
2. Красный архив. М., 1937. № 6 (85). С. 102–137.
3. Документы героической борьбы: сб. док. материалов, посв. борьбе против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск, 1959.

*Статья поступила
в редакцию 03.12.2012*

УДК 94(57)''1913/1920''

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

СОЮЗЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ГОРОДАХ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1913–1920 гг.)*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В статье исследуется процесс союзного строительства городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1911–1920 гг. В центре внимания автора – опыт деятельности крупных городских веселословных и рабочих потребительных обществ по созданию районных и областных союзов, попытки организации Всесибирского союза городской и рабочей кооперации. Делается вывод о том, что процесс централизации кооперативного движения деформировал свободное организационное строительство потребительской кооперации.

Ключевые слова: потребительская кооперация, Закупсбыт, союзы потребительных обществ, Сибирь.

²⁸ Там же. Л. 163.

²⁹ Там же. Л. 164.

³⁰ Енисейский вестник. 1919. 14 нояб.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00105/12а.